

быть рождено, — по Шеллингу, — лишь некоторою божественною магией¹. Так для преодоления противоречий своей абстрактной философской системы Шеллинг вынужден прибегнуть к мистике, а это приводит к тому, что его «бог» смыкается с библейским божеством (как уже не идеал, а фантастическое всеильное существо), а абстрактная идея «божественной любви», естественно, — с христианской любовью как чем-то противоположным борьбе и отрицающим ее в конечном счете (концепция, к которой и придет позднее Шеллинг).

Лермонтов отличается от немецких философов тем, что в его творчестве мы не найдем ни снятия, ни примирения, ни разрешения противоречий².

Показывая крах Демона, Лермонтов не раскрывает его как примирение с миром, и трагизм героя, как это и естественно, не снимает с него ореола красоты и величия. Переделывая в последний раз поэму, он не сглаживает, а подчеркивает противоречивость натуры Демона. Его герой, несмотря на все его декларации в этом духе, нигде не отказывается от собственного «я», не пытается вымолить или добиться прощения. Он делает свободный выбор, «гордо» снимая со своей «победной» головы «венец лавровый» и гордо оставляя мир «доцветать» без него — и в финале поэмы перед нами побежденный, но отнюдь не поверженный, а тот же «надменный», сильный и прекрасный этой своей «надменностью» — решимостью и способностью не изменять себе — герой. Нота авторского сочувствия («один, как прежде...») звучит здесь не менее сильно, чем в других строках поэмы, подчеркивая близость и симпатию автора к своему герою, не исчезающие, несмотря на элемент осуждения, явно звучащий в сцене гибели Тамары, в финале (в обрисовке портрета, пусть и увиденного глазами героини) и в ряде других сцен поэмы.

Финал поэмы подчеркивает и усиливает и другие противоречия, наметившиеся в основной части. Здесь обнаруживается «правда» Тамары, здесь в новой роли выступает ангел, здесь впервые со всей ясностью провозглашается идея справедливости бога.

Символика поэмы раздваивается; мало того, сами парные символы оказываются внутренне противоречивыми: ангел — равнодушный и холодный враг Демона и ангел — горячий защитник Тамары; бог, бесстрастно взирающий с небес на гибель героини — и творец, вершащий справедливый суд; небеса — обитель этого равнодушного бога и небеса — символ подлинного добра, красоты и благородства, символ идеала, о котором тщетно мечтал гордый Демон, но который открывается самоотверженно любящей Тамаре. Чем же объясняется эта «двойственность», эта противоречивость, граничащая с непоследовательностью? Истоки ее, думается, следует искать в философских и религиозных воззрениях Лермонтова.

В лермонтоведении уже отмечался тот факт, что русский поэт не обладал стройной, законченной системой философских воззрений. То же самое

¹ Шеллинг, *Философские исследования о сущности человеческой свободы*, стр. 53.

² Это различие, естественно, определяется структурой сравниваемых произведений — философских трактатов с одной и художественного произведения с другой стороны. Вместе с тем оно говорит о том, что русский поэт не находится под влиянием каких-либо концепций и тем более схем и свободен в своем отражении и воспроизведении действительности и порожденного ею идеала.